

Катастрофа действительно вырвалась изо рта*, даосский священник мгновенно покрылся холодным потом.

*口口口口 - /huò cóng kǒu chū/

Проблемы исходят изо рта (идиома). Развязный язык может причинить много неприятностей.

Звуки людей во дворе исчезли, и на мгновение стало так тихо, что можно было услышать падение булавки. По углам лба даосского священника стекал огромный холодный пот, тем временем Босс Е медленно улыбнулся: «Что вы сказали?»

Даосский священник запнулся: «Я ничего не говорил».

Су Ань попросил остальных уйти и попросил даосского священника прийти: «Завтра я пойду в резиденцию президента Цзяна, вы пойдёте со мной».

Даосский священник взмолился о пощаде: «Пожалуйста, пощадите меня хоть раз! Все мои слова — чепуха!» Па-па, затем он дважды ударил себя: «Господин, господин, вы можете просто притвориться, что никогда об этом не слышали?»

«Я не прошу вас умереть», — слегка улыбнулся Су Ань. «Вам просто нужно последовать за мной, повнимательнее присмотреться к лицу президента Цзяна и посмотреть, есть ли в его доме так называемые «призраки». Если вы сделаете эти две вещи, то то, что вы сказали сегодня, будет списано, и я дам вам еще десять серебряных юаней в качестве награды».

Даосский священник немного подумал, а затем стиснул зубы: «Хорошо!»

На следующий день была хорошая погода, Су Ань отвел даосского священника, который выдавал себя за его слугу, в резиденцию Цзян Чжэнжуна. Домработница провела их до центрального зала. Затем он увидел Цзян Чжэнжуна, идущего со двора, он шел немного быстро, из-за чего его хромяя нога была несколько заметна.

Даосский священник спрятался за Су Анем и высунул голову. У Цзян Чжэнжуна женственная внешность и стройная фигура, но он не был таким уж низким. Когда он вошел в зал, он взял платок, переданный домработницей, и вытер пот с головы, затем он естественно потянул Су Аня оглядеться: «Думаешь искать меня?»

«Я стал реже приходить к тебе домой?» Су Ань не мог не скривить губы и не улыбнуться: «Президент Цзян...»

Краем глаза он провел по краю халата Цзян Чжэнжуна. На нем были брызги алой крови. Су Ань на некоторое время замер и, естественно, отвел глаза: «Почему я не видел тебя в последнее время за пределами города?»

Цзян Чжэнжун сел рядом с ним: «Ты хочешь, чтобы я ушел сейчас?» Он рассмеялся и угрюмо сказал: «Может ли быть так, что после того, как я уйду, босс Е попытается найти близкого друга?»

Су Ань пристально посмотрел на него: «Говори хорошо».

Они немного поболтали, и Цзян Чжэнжун крепко держал руку Су Аня. С тех пор, как он позволил Су Аню прикоснуться к нему, он всегда прикасался к Су Аню. Всегда держал руку Су Аня или обнимал его за талию, когда разговаривал. Его прежняя неприязнь к прикосновениям, казалось, превратилась в жадность, и ему всегда приходилось много прикасаться к Су Аню, чтобы искупить прошлое.

Су Ань оперся на тело Цзян Чжэнжуна. Глядя на прекрасное лицо Цзян Чжэнжуна, которое было не намного лучше его собственного, он почувствовал, что его сердце успокоилось и даже немного онемело.

Брат, мне такие, как ты, совсем не нравятся.

Я предпочитаю кого-то немного более красивого и сильного. Того, кто мог бы меня дико прижать и поглотить, это человек с этими качествами, wuwuwu.

Визит занял полдня. Выйдя из резиденции Цзян Чжэнжуна, Су Ань спросил: «Что вы видели?»

Даосский священник не посмел солгать ему и честно сказал: "Я только почувствовал, что в лице президента Цзяна смутно проступает злой дух, если

это предзнаменование... смерти... мои знания и умения не могут сравниться со знаниями и умениями старшего брата, так что я действительно не могу сказать".

Возможно, это было потому, что Цзян Чжэнжун был

уже мертв, но его вернул к жизни

кто-то другой, поэтому он не мог увидеть предзнаменование

неминуемой смерти.

Су Ань скривил губы и отослал даосского священника. Затем он взял рикшу и поехал обратно в здание Ишуй. Перед зданием Ишуй был припаркован новенький черный автомобиль Buick, и как только Су Ань подъехал, он увидел, что дверь автомобиля Buick открылась, и Хэ Чанхуай вышел изнутри. Подняв брови, он удивленно сказал: «Босс Е, какое совпадение».

Конечно, это совпадение, что ты ждешь меня здесь!

Когда Су Ань подошел, глаза Хэ Чанхуая прошлись по нему, и он не мог не вспомнить белое фарфоровое нефритовое тело, которое он видел в прошлый раз. Его уши покраснели, и он несколько раз кашлянул, чтобы сдержать жар, затем поприветствовал его: «Босс Е, я забронировал отдельную комнату, ты хочешь присоединиться ко мне?»

Взгляд Су Аня скользнул по кончику его уха, и он воскликнул в своем сердце, он был таким чертовски милым, но на поверхности у него было сдержанное лицо: «Раз уж Второй Мастер пригласил меня, естественно, я соглашусь».

Хэ Чанхуай улыбнулся: «Босс Е, пожалуйста».

Отдельная комната была все еще той, что была с прошлого раза. Су Ань собирался сесть, когда Хэ Чанхуай остановил его. Мужчина джентльменски выдвинул стул и несколько раз поправил его положение: «Босс Е, садись».

Су Ань не удержался от смеха: «Второй мастер, я побеспокою тебя».

«Все в порядке», — Хэ Чанхуай с улыбкой поднял брови. «Я не могу позволить боссу Е пойти со мной смотреть шоу, пока я плохо забочусь о тебе».

Он подошел к Су Аню и сел, затем поднял руки, чтобы налить чай. Его руки были вытянуты, а перекачивающиеся мускулы поддерживали элегантную рубашку костюма.

Он протянул Су Аню чашку чая: «У босса Е пересохли губы, сделай глоток, чтобы увлажнить губы».

Су Ань смиренно отпил глоток и с улыбкой сказал: «Большое спасибо Второму Мастеру».

Хэ Чанхуай был человеком со странным противоречием. Он выглядел хорошо одетым, но в тонких деталях скрывалась его сильная диктатура. Иногда он выглядит как ветеран-игрок, полный агрессии, но часто у него краснели уши и он смущался.

Это действительно мило, сердце Су Аня расцвело*, это совсем не похоже на предыдущий мир!

*□□□□ - /xīn huā nù fàng/

взрываться радостью (идиома) / быть на седьмом небе от счастья / быть в приподнятом настроении

Атмосфера наверху была как раз подходящей, но Цин И*, поющий на сцене внизу, спел неправильный куплет. Обычно, если вы поете неправильную строку, то вы поете ее неправильно, но сегодня публика в здании была очень взволнована. В один момент кто-то поднял стол и табурет, чайные пиалы полетели, и даже раздался взрыв ругательств.

*黑 - /qīng yī/ «Чёрная одежда»

В древние времена люди, носившие чёрную одежду, в основном были служанками, прислугой, слугами, музыкантами и т. д. низкого статуса.

Су Ань немедленно встал и пошел к перилам. В вестибюле становилось все более и более хаотично. Люди в здании Ишуй не могли остановить ни то, ни другое. Некоторые даже хотели воспользоваться неразберихой, чтобы подняться на сцену и обойти драматическую труппу, костюмы были разбиты на пол вместе с аксессуарами.

Лицо Су Аня похолодело. Он повернулся, затем бросил фарфоровую вазу на второй этаж. Раздался четкий «стук», и внизу внезапно наступила тишина. Во всем театре остался только его голос: «Моя фарфоровая ваза стоит пятьсот серебряных юаней, кто снова будет чинить неприятности, тот заплатит мне деньги!»

Человек, стоявший во главе беспорядков внизу, прошептал: «Босс Е, вы, очевидно, сами ее бросили!»

«Я бросил свою собственную фарфоровую вазу стоимостью пятьсот серебряных юаней?» Су Ань усмехнулся. «Иди в полицейский участок, скажи это и увидишь, поверит ли тебе полиция!»

Люди внизу немного поколебались, а затем неохотно отвернулись. Су Ань вздохнул с облегчением и собирался повернуться, когда выражение лица Хэ Чанхуая внезапно изменилось. Он шагнул вперед и обнял его, затем кусок фарфоровой чашки задел руку Хэ Чанхуая и упал на пол второго этажа, оставив кровавое пятно.

Хэ Чанхуай получил травму, защищая его.

Люди внизу уже разбежались, не найдя себе места. Выражение лица Су Аня изменилось, и он наконец двинулся. Его длинные черные ресницы, похожие на вороньи, слегка дрожали, и он осторожно коснулся раны Хэ Чанхуая: «Второй мастер, почему ты...»

Хэ Чанхуай взглянул на первый этаж, и там никого не было. Уголок его рта вызвал улыбку. Внезапно его руки обняли бока Су Аня, когда он сидел на тонких перилах, держа Су Аня.

Су Ань был поражен и неосознанно крепко обнял Хэ Чанхуая: «Второй мастер!»

За ним ничего не было, и перила под его ягодицами тоже были тонкими, как будто при небольшой неосторожности они могли упасть головой вперед. Лицо Су Аня побледнело, а его тонкие белые руки крепко схватили одежду Хэ Чанхуая на спине и выдавили улыбку: «Второй мастер Хэ, не дразни меня. Мы вот-вот упадем».

«Оказывается, босс Е боится упасть», — внезапно сказал Хэ Чанхуай что-то необъяснимое.

Су Ань не понял, что было не так в этом предложении, и просто продолжал твердить ему: «Второй Мастер, опусти меня».

Чувствуя себя виноватым за то, что дразнил его, Хэ Чанхуай был удовлетворен его уязвимостью и зависимостью. Он тихо рассмеялся: «Босс Е, я был ранен в твоём здании Ишуй, тебе нечего сказать?»

Они оба прижались грудью друг к другу, и когда Хэ Чанхуай опустил глаза, он увидел вогнутую дугу Босса Е от шеи до ягодиц. Он быстро отвел взгляд, чувствуя беспокойство в сердце. Его кадык перекатился, и он не мог не отстраниться.

«Второй мастер Хэ», — ноги Су Аня все еще не касались пола, он чувствовал, что находится в воздухе, а его губы начали синеть, — «Поторопись и опусти меня».

Затем он крепко обнял Хэ Чанхуая и тайно приблизился незаметно. Су Ань почти чувствовала крепкую грудь и мышцы живота Хэ Чанхуая.

Это так тяжело, кхм.

Хехехе, нравится.

Чувство вины Хэ Чанхуая переросло во что-то другое. Он отступил назад, словно пошатнувшись, Су Ань был потрясен и тут же обхватил его шею руками и набросился на него.

Хэ Чанхуай обнял его и несколько раз рассмеялся: «Босс Е обнимает меня, что я могу сделать?»

Е Суань в глубине души ненавидел его поддразнивания, но все равно вынужден был смотреть на него с застенчивостью и гневом на поверхности: «Второй Мастер думает, что это интересно?»

Хэ Чанхуай слегка кашлянул и опустил его на пол, снова приняв вежливый вид: «Не сердись, босс Е, это была моя ошибка».

Су Ань поправил рубашку с суровым выражением лица: «Второй Мастер, я спокоен».

Хэ Чанхуай повернулся к нему и подошел ближе: «Ты не можешь так говорить, босс Е сердится, это моя вина».

Су Ань несколько раз поворачивал лицо, но снова и снова был заблокирован им. Наконец, он не смог сдержать улыбку и бросил на него сердитый взгляд: «Ладно, Второй Мастер, садись, и я взгляну на твою травму».

Рана была поцарапана открытым горлышком фарфоровой вазы. Су Ань вытер кровь и наложил мазь. С чувством вины на бровях он тихо сказал: «Я втянул Второго Мастера».

Хэ Чанхуай не заботился, и презрительно усмехнулся: «Эти люди, похоже, они пришли сюда специально, чтобы разнести это место. Если бы я был на шаг медленнее, этот кусок фарфора попал бы в тебя». Думая об этом, он все еще испытывал некоторый страх. Красивое лицо Хэ Чанхуая было холодным, сочась скрытой яростью в воздухе, «Босс Е, предоставь это мне, тебе больше не нужно об этом беспокоиться».

Су Ань в глубине души знал, что это может быть уловкой Мастера Ли, и опустил глаза: «Тогда я побеспокою Второго Мастера».

Е Суань привык заискивать, и поскольку Хэ Чанхуай оказал ему услугу, он подавил свое негодование из-за того, что его дразнили, и показал Второму Мастеру нежную и жалостливую улыбку.

Обе стороны были заинтересованы в дружбе. Во время их обмена Су Ань быстро познакомился с Хэ Чанхуаем.

Несколько дней спустя Хэ Чанхуай внезапно вытащил человека во двор переулка. Он был в охотничьем пальто, а его хлыст пах порохом. Уголки его рта были холодно поджаты, а лицо полно угрюмости: «Босс Е, я привел сюда кое-кого, чтобы извиниться перед тобой!»

Е Суань поспешно вышел, чтобы взглянуть. Четвертый молодой мастер, Ли Хуан, который следовал за ним всю дорогу, будучи прикованным, уже потерял сознание сзади, с пеной во рту. Су Ань был потрясен и подсознательно посмотрел на Хэ Чанхуая.

Хэ Чанхуай холодно поддел уголок рта, и кнут зазвенел с резким звуком. Ли Хуан тут же сел и закричал: «Босс Е, это все моя вина, это все моя вина. Я послал людей, чтобы разгромить ваше место, и я также убил Цзи Юйшэна, это все моя вина, это все моя вина!» Говоря это, он поклонился до земли: «Пожалуйста, пощадите меня на этот раз!»

Су Ань еще не пришел в себя. Когда Хэ Чанхуай там увидел, что он не двигается, другой хлыст безжалостно упал. Наклонив поля своей шляпы с помощью хлыста, мужчина поднял подбородок и сказал с улыбкой, которая не была похожа на улыбку: «Извинения недостаточно искренни».

Ли Хуан «шипел», лежа на земле, весь в крови, и слабо кричал: «Босс Е, умоляю вас, вы можете наказать меня так, как захотите».

Взгляд Су Аня скользнул по хмурым бровям мужчины.

Перед ним Хэ Чанхуай всегда был грациозен и элегантен. Это произошло так внезапно, что у

Су Аня возникло чувство трепета, от которого у него зашевелилась кожа головы.

Хэ Чанхуай спешился и пнул Ли Хуана перед Е Суанем. Е Суань отступил назад и сказал с холодным лицом: «Четвертый мастер Ли, это невозможно».

«Сделайте это возможным, сделайте это возможным». Ли Хуан разрыдался и обнял Су Аня, как спасительное бедро. Он все время пытался заставить кожаный ботинок на спине поднять его ногу: «Босс Е, скажите мне, что вы хотите, чтобы я сделал, я готов сделать все! У меня нет никаких жалоб!»

Е Суань некоторое время молчал, затем его красные губы слегка приоткрылись: «Тогда иди и извинись перед Цзи Юйшэном, поклонившись ему три раза*».

*В некоторых церемониях человек совершал последовательность из трех серий по три поклона — вставал и снова опускался на колени между каждой серией — как жест исключительного уважения; отсюда и термин «три коленопреклонения и девять ударов головой».

<http://bllate.org/book/15646/1398816>